

К ОСОЗНАНИЮ ОСНОВ...

TO THE AWARENESS OF THE FOUNDATIONS

УДК 17

DOI: 10.31249/chel/2022.04.01

Кимелев Ю.А.

«ПАРАДИГМА ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Россия, Москва*

Аннотация. Статья посвящена анализу «парадигмы теорий социальной справедливости», оформившейся в англоязычной политической философии после появления работы Джона Ролса «Теория социальной справедливости» (1971). Этому анализу предшествует очерк истории политической философии в XX в. до оформления «парадигмы теорий социальной справедливости». Статья также содержит аналитическую реконструкцию полемики между неолиберализмом и коммунитаризмом, занявшей заметное место в современной политической философии.

Ключевые слова: социальная справедливость; парадигма теорий социальной справедливости; неолиберализм; либертарианизм; коммунитаризм.

Получена: 13.08.2021

Принята к печати: 18.07.2022

Kimelev Yu.A.
“The paradigm of theories of social justice”
in modern English Political Philosophy

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow*

Abstract. The article analyzes the so-called “paradigm of theories of social justice” which formed in the English-medium political philosophy following the appearance of John Rawls’s “Theory of justice” (1971). The article offers an outline of political philosophy in the 20th century. The article also contains an analytical reconstruction of debates between neoliberalism and communitarianism which has become prominent in contemporary political philosophy.

Keywords: social justice; “paradigm of theories of social justice”; neoliberalism; libertarianism; communitarianism.

Received: 13.08.2021

Accepted: 18.07.2022

Введение

Современная англоязычная политическая философия представляет собой сложный комплекс. В общем и целом она является продолжением богатой традиции и общеевропейской, и англоязычной философско-политической, философско-правовой и этической мысли, которая присутствует в настоящем и в виде обширной исторической исследовательской литературы, и как активно используемый ресурс. Достаточно вспомнить в связи с этим контрактализм и утилитаризм.

В качестве базисной ориентации в многообразии теорий можно использовать разделение функций политической философии на диагностические и нормативные. Всякая философско-политическая теория осуществляет оба вида функций – все дело в порядке их сочетания. В настоящей работе главным объектом анализа станет политическая философия нормативной ориентации последних десятилетий. В рамках такой философии возможно выделение в качестве основного компонента того, что чаще всего обозначается как «парадигма теорий социальной справедливости».

Итак, объект анализа в данной статье – англоязычная политическая философия с преобладающей нормативной ориентацией.

Вне зоны внимания остается обширная философско-политическая литература с преобладанием диагностической ориентации, которая нередко осуществляется во взаимодействии с политическими науками.

Нормативная теория в политической философии

Нормативная теория в политической философии отличается от дескриптивных и объяснительных теорий форм и процессов политической жизни. 1950-е и 1960-е годы были временем обширной разработки различных парадигм и теорий, призванных описать и объяснить социальные и политические системы, а также социальные и политические процессы. Начиная с 1970-х годов наблюдается интенсивный рост и даже расцвет философских теорий, ставящих целью *оценить* политические и социальные системы и процессы. В этом смысле правомерно говорить о том, что «парадигма теорий социальной справедливости» заключается в реабилитации нормативных устремлений политической теории, в первую очередь политической философии.

Теории справедливости открыли пространство для споров и столкновений альтернативных и конфликтующих воззрений относительно *критериев оправдания политических институтов и социально-политических практик*. Прежде всего речь идет о философских спорах относительно «справедливого общества». Имеет смысл подчеркнуть, что новая парадигма теорий справедливости оказалась в фокусе внимания не только философов, но и экономистов, юристов, социологов, политологов, историков, антропологов. В этих дисциплинах нормативная теория становится значимой частью социальных и политических исследований, причем и дескриптивного, и объяснительного, и герменевтического толка. Широкое утверждение новой парадигмы совпадает с так называемым возрождением политической философии. В конечном счете усиление теоретического внимания к нормативной философско-политической проблематике проистекает из усиления внимания к этой проблематике в практическом политическом сознании.

Нормативная проблематика конкретизируется как проблема критериев определения хорошо организованного, стабильного во времени общества. Справедливое общество – это общество, фун-

даментальные институты которого выдерживают тест оправданием, определяемый теорией. Оно должно быть приемлемым или не опровергаемым разумным образом для всех, кто включен в *полис* или *космополис*. Разумеется, критерии суждения, о которых идет речь, могут не ограничиваться только базовыми институтами. Они могут быть распространены и на другие публичные проявления политической жизни.

Парадигма теорий социальной справедливости ориентирована на определение рациональным путем критериев *рефлексивного* политического суждения. Важнейшим вопросом для теорий справедливости становится вопрос об основаниях оправдания определенного набора политических и социальных институтов.

Рассматривая этот вопрос, С. Века отмечает, что эти проблемы политической философии проистекают из «элементарных вопросов» и «публичных вопросов». Ответы на такие вопросы предстают как ответы политической философии. Первый «элементарный вопрос»: справедливо ли, что одни люди рождаются богатыми или очень богатыми, а другие – бедными или очень бедными? Второй вопрос связан с первым: в каком собственно смысле являются неверными или неприемлемыми формы неравенства, которые не проистекают из вины тех, кто от них страдает? Третий вопрос: должны ли институты управления предпринимать что-либо, использовать свои ресурсы, определять коллективные действия в целях уменьшить те формы неравенства, за которые жертвы неравенства не несут ответственности? Под «публичными вопросами» у С. Века понимаются привычные и зачастую спорные обстоятельства, образующие содержание публичной дискуссии. Это предполагает наличие в обществе публичной сферы. Как правило, речь при этом идет о конституционных демократиях. Наличие сферы публичной дискуссии указывает на политическую деятельность, которая состоит в продуцировании норм и коллективных ориентаций. В рамках конституционной демократии существуют постоянные напряжения между либеральными устремлениями и демократическими устремлениями, отношения между которыми не носят взаимодополняющего характера [Века, 2005].

Можно усматривать континуум между тем, что, на мой взгляд, правомерно называть обыденным, в некоторых отношениях даже массовым политическим сознанием, и нормативной ори-

ентацией политической философии, прежде всего современной политической философии, в частности, ее современной парадигмы теорий социальной справедливости.

Философско-политический горизонт, в котором осуществляется современная дискуссия нормативистской ориентации в англоязычных странах, это горизонт политического и правового модерна. Фундаментальные характеристики этого горизонта: признание равенства индивидов по достоинству; требование, чтобы политическая власть была законной и рациональной, обладала правовым обоснованием и беспристрастно отстаивала права граждан; моральные ценности гуманистической направленности. Ряд аналитиков считают, что в современных философско-политических теориях справедливости наблюдается сдвиг от теорий, ориентированных на вопросы распределения социальных продуктов и благ, к теориям, ориентированным на идентитарные вопросы, связанные с индивидуальной и групповой идентичностью. Первые стремятся дать ответы на вопросы, порождаемые социальными конфликтами как дистрибутивными конфликтами, соответствующие философско-политические теории стремятся проанализировать дистрибутивные конфликты и предложить те или иные схемы оправдания и примирения. Возможны и радикальные схемы разрешения конфликтов.

На мой взгляд, правильнее будет говорить не о сдвиге как замещении теорий, связанных с дистрибутивными конфликтами, теориями, ориентированными на идентитарные проблемы, а о расширении теоретического поля нормативной политической философии. Ведь в конечном счете проблема признания как важнейшая идентитарная проблема также является дистрибутивной проблемой.

Предложенная сжатая общая характеристика «парадигмы теорий социальной справедливости» будет расширена в процессе конкретного анализа образующих ее теорий. Такой анализ целесообразно предварить краткой исторической реконструкцией оформления указанной парадигмы. Эта реконструкция, как и сам анализ, призвана указать на то обстоятельство, что «парадигма теорий справедливости» ни фактически, ни по замыслу не исчерпывает нормативного потенциала философско-политической теории.

Историческая прамбула актуальной политической философии в англоязычных странах

Совокупность современных теорий включена в политический и правовой рационализм модерна, им присущи и его фундаментальные свойства.

Англоязычная политическая философия на протяжении большей части XX в. определялась главным образом программой концептуального анализа, а также утилитаризмом как общей философско-этической программой с отчетливо выраженным философско-политическим содержанием. Эта программа сохраняет свое присутствие в философско-политической сфере и философско-этической сфере и в настоящее время. Концептуальный анализ продолжает оставаться продуктивным инструментом философско-политического теоретизирования, а утилитаризм продолжает быть философско-политической традицией, с которой так или иначе соотносятся актуальные философско-политические воззрения в англоязычных странах, в том числе парадигма теорий справедливости.

На таком историческом фоне с конца 1950-х годов начинается процесс оформления философско-политической теории нормативистской ориентации. Указание на нее не является, как уже отмечалось, исчерпывающей характеристикой актуальной философско-политической ситуации в англоязычных странах. Вместе с тем англоязычная философско-политическая теория нормативистской ориентации, прежде всего ее главный сегмент, нашедший выражение в парадигме теорий социальной справедливости, являет очевидную новизну и оказывает мощное влияние на всю современную западную политическую философию.

Анализ политических понятий был главным инструментом политической философии в рамках аналитической философии в предыдущие десятилетия. Объектом анализа становились и продолжают оставаться в настоящее время такие политические понятия, как свобода, толерантность, равенство, справедливость, понятия авторитета, легитимности, политических обязательств граждан.

В контексте концептуального анализа того типа, который доминировал в англоязычной политической философии, был фактически табуирован нормативный подход, связанный с оценкой и

обоснованием принципов, ценностей и целей *реальной политической жизни*. Существование и функционирование либеральной и демократической традиций воспринималось как нечто общеприемлемое и служащее фоном философско-политической дискуссии, основополагающие принципы которой не подлежат пересмотру.

Начало современной ситуации можно возвести к концу 1950-х годов – к так называемому спору между лордом Девлином и Гербертом Хартом относительно легитимности установки на регулирование социальной морали посредством закона [Hart, 1963; Devlin, 1969], а также анализу понятий свободы у Исая Берлина [Berlin, 1982]. В основе спора между лордом Девлином и Гербертом Хартом, в котором они не были единственными участниками, лежал вопрос о том, оправдано ли утверждать наличную позитивную мораль (Г. Харт отличает ее от критической) посредством права. Конкретно это называлось «принуждением к морали» посредством права. Крайней либеральной позиции Дж. Ст. Милля, в соответствии с которой единственной оправданной целью использования государственного насилия является защита от ущемления прав и свобод индивидов [Милль, 2021], были противопоставлены умеренно консервативная позиция лорда Девлина, в соответствии с которой для существования общества требуется защищаемый правом моральный фундамент, а также позиция, в соответствии с которой утверждение морали посредством права есть ценность сама по себе. Г. Харт отстаивал умеренно либеральную позицию, дополненную демократическими элементами, в соответствии с которой оправдан определенный патернализм в защите личности посредством права.

Многообразное теоретическое творчество в дисциплинарном плане И. Берлина было связано с академической философией и с историей идей. Философско-политические воззрения И. Берлина разрабатывались, главным образом, в дисциплинарном контексте истории идей. В межвоенный период И. Берлин активно занимается вопросами аналитической философии, как она была представлена в то время в Великобритании, в Оксфорде И. Берлин занимает отчетливо критические позиции в отношении логического позитивизма, в первую очередь теории значения и теории познания логического позитивизма. И. Берлин полагает, что наше понимание мира уже предполагает концепцию существующей реальности, не

зависимой от нас и наших мнений [Berlin, 1982]. Такая позиция была связана с размежеванием И. Берлина с теорией значения и теорией познания логического позитивизма. Кроме того, по И. Берлину, верификационизм не позволяет – в плане теории значения – делать высказывания о морали, о музыке, о прошлом. По мнению И. Берлина, воздействие идей на исторические процессы, по меньшей мере столь же важно, как и действие «безличностных сил». История идей как дисциплина способна внести существенный вклад в понимание общества. И. Берлин указывает в связи с этим на роль Просвещения и роль романтизма как движения, направленного против Просвещения [ibid.]. Такой интерес к истории идей оказал воздействие на философско-политические воззрения И. Берлина, прежде всего в понимании либерализма и в вопросах политической аксиологии.

Особое внимание в философско-политической литературе привлекло разрабатывавшееся И. Берлиным различие «позитивной свободы» и «негативной свободы». «Позитивная свобода» связана с навязыванием индивиду определенной формы жизни, своего рода тоталитаризма [ibid.], который И. Берлин усматривал у Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля и К. Маркса. Альтернативу он видел в «негативной свободе», фундаментальной философско-политической модели, отрицающей навязывание индивиду каких-то определенных целей или идей обществом или государством.

Утилитаризм

История политической философии в англоязычных странах, в первую очередь в Великобритании, была самым тесным образом связана с историей моральной философии, с историей этики. Здесь можно говорить о параллелизме, наложениях, совпадениях. Достаточно указать на то, что работа Дж. Ролса и его теория справедливости, сыгравшая ключевую роль в оформлении современной политической философии с нормативной ориентацией, фактически с момента своего появления воспринималась и как рубежное морально-философское событие. Сказанное находит очевидное подтверждение и в ситуации с утилитаризмом.

До появления работы Дж. Ролса «Теория справедливости» (1971) в сфере этики в англоязычных странах господствовали ути-

литаризм, метаэтика и экзистенциализм, так что только утилитаризм представал и как определенная разновидность политической философии. Соответственно, именно критическое размежевание с утилитаризмом послужило одним из важнейших факторов стремления переформулировать нормативный проект модерна и либерализма в 1970-е годы [Harsanyi, 1977].

Утилитаризм, как известно, представляет собой многообразный и исторически вариативный комплекс философских идей, прежде всего философско-этических, давно ставший достоянием наук, в частности экономических. В настоящее время с утилитаризмом связаны такие влиятельные теоретические позиции, как теория принятия, теория рационального выбора.

Здесь предпринята попытка в указанном комплексе идей выделить собственно философско-политические позиции. Утилитаризм правомерно рассматривать и как определенную политическую философию, в которой очевидно преобладает нормативная функция. Следовательно, требуются определенные разъяснения. Центральный момент утилитаристской теории связан с идеей максимизации социального богатства и величия. Критерий оценки институтов и политических практик является фактически независимым от какого-либо конкретного понимания справедливости, соответственно независимым от конкретного чувства справедливости. Точнее будет сказать, что идея и чувство справедливости в утилитаризме заключаются в том, что справедливыми правомерно считать те социальные и политические институты и практики, которые ориентированы на уменьшение, минимизацию социальных страданий, которые можно избежать. При всей высказанной в адрес утилитаризма критике такая базисная философско-политическая идея заслуживает внимания и признания.

Когда речь идет о смене парадигм, то неизбежна отсылка к уже ставшей классической работе Томаса Куна о структуре научных революций [Кун, 2020]. Теория в этой работе, как известно, отсылает к «нормальной науке» в рамках того или иного научного сообщества, отсылает к тому, что начинает происходить с этой «нормальной наукой», к тому, что предшествует «научной революции». Сходным вопросом можно задаться и применительно к движению политической философии. Следовательно, правомерен

вопрос о той нормальной науке, которая предшествовала разрыву и уступила место парадигме теорий справедливости.

Господствующей парадигмой, в качестве альтернативы которой Дж. Ролс создает свою теорию социальной справедливости, была та или иная версия утилитаризма. И если дебаты, которые последовали за появлением «Теории справедливости», могут быть реконструированы только в свете тезисов и подходов Дж. Ролса, то сама эта теория может быть реконструирована на фоне соперничающей теории – утилитаристской теории.

Теория Джона Ролса

Свою преобладающую ныне форму либерализм получил в философско-политической и морально-философской теории Дж. Ролса. Эта теория во всей западной политической философии считается началом или даже основоположением нового современного гештальта политической философии, по меньшей мере исходным моментом нового понимания либерализма как нормативной теории. Теория Дж. Ролса поначалу утверждается среди приверженцев англоязычной аналитической философии, а начиная с 1980-х годов она получает широкое распространение и среди представителей континентальной традиции.

Философско-политическая теория Дж. Ролса представлена в его работах «Теория справедливости» (1971) и «Политический либерализм» (1993). Первая соотносилась с проблематикой плюрализма и отстаивала «негативную свободу» И. Берлина, а вторая представляла свой ответ на позиции коммунитаризма, которые, в свою очередь, были во многом реакцией на воззрения, утверждаемые в «Теории справедливости».

Уже на первых страницах «Теории справедливости» Дж. Ролс формулирует тезис, который находится в центре новой парадигмы политической философии последних десятилетий, чаще всего обозначаемой как «парадигма теорий социальной справедливости». Само обозначение указывает на, главным образом, нормативный характер этой парадигмы. Базовая позиция Дж. Ролса: «Справедливость является важнейшим достоинством социальных институтов, подобно тому, как истина является важнейшим достоинством систем мысли. Теория, сколь бы элегантной

и емкой она ни была, должна быть отвергнута, если не выражает истину. Сходным образом, законы и институты, сколь бы эффективными и упорядоченными они ни были, должны быть реформированы или отброшены, если они не являются справедливыми» [Rawls, 1971]. Приведенный тезис Дж. Ролса образует средоточие, как полагают многие, «новой парадигмы политической философии последних десятилетий» [ibid.].

«Теория справедливости» представляет собой *субстанциальную* политическую философию. Дж. Ролс продолжает использовать разработанные в англоязычной философии ресурсы концептуального анализа. Однако эти ресурсы используются инструментальным образом по отношению к анализу и оценке базовых политических институтов. В общем плане «теория справедливости» утверждает единое видение благого общества. Таким образом, философско-политическая концепция Дж. Ролса является выражением демократического конституционного либерализма, который считается единственно приемлемой теорией для современного западного общества.

Дж. Ролс оснастил политическую философию исследовательской повесткой дня. Он не просто предлагает теорию социальной справедливости. Он утверждает приоритет индивидуальной свободы, приемлемые границы эгалитаризма, а также правление закона. Значительную ценность представляет то обстоятельство, что видение идеального политического устройства оказалось связанным с определенным пониманием человеческой природы, соответственно — с определенной философско-политической антропологией. Такой подход не только предполагает обращение к теориям мотивации, представленным в социальных науках. Концепция Дж. Ролса указывает на то, каким образом можно побудить граждан принять формальные условия социального сосуществования и как реалистичные, и как справедливые.

Наконец, следует подчеркнуть, что концепция Дж. Ролса фактически означала восстановление связи с политической философией прошлого. В новом контексте во многом реактуализируются философско-политические компоненты воззрений Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, Дж. Ст. Милля, И. Канта.

Теория справедливости, о которой идет речь в философско-правовой концепции Дж. Ролса, с ее стремлением к разработке со-

гласованных принципов осуществления социальной интеракции, нужна для того, чтобы распределить блага и обязанности среди членов общества. И разработка подобных принципов, и воплощение их в жизнь возможны, если индивиды готовы считать их необходимыми. У индивидов может и должно появиться чувство, что их совместная социальная жизнь и совместный труд носят стабильный и упорядоченный характер.

Итак, теория справедливости представляет собой теорию публично согласованных последних принципов, определяющих фундаментальные условия социальной кооперации. *Это теория принципов, направляющих институты, «базисную структуру» общества.* Речь не идет ни об ориентации на определенные результаты, ни о критериях оценки воззрений или действий индивидов. Теория справедливости позволяет, более того, ориентирует на взаимную адаптацию и в теории, и в моральных суждениях. Вместе с тем всякая теория справедливости должна учитывать то, что образует суть различных концепций справедливости. Такая суть видится Дж. Ролсу в том, что «институты являются справедливыми тогда, когда не проводятся какие-либо различия при наделении индивидов базисными правами и обязанностями и когда надлежащий баланс между конкурирующими притязаниями на привилегии социальной жизни определяется правилами» [Rawls, 1971].

Философско-политическая теория Дж. Ролса обосновывает возможность равной свободы, а также возможность распределения всех прочих благ таким образом, что укрепляет надежды тех, кто в меньшей мере, чем другие, преуспел в конкурентной социальной борьбе. Такая фундаментальная установка получает формальное и полное обоснование.

Первый принцип. Всякий индивид должен обладать равным правом на наиболее полную систему равных базисных свобод, совместимую со схожей системой свободы для всех.

Второй принцип. Социальные и экономические неравенства должны быть устроены таким образом, что они окажутся:

а) способными обеспечить наибольшие преимущества для наименее успешных, причем в соответствии с принципом справедливых накоплений;

б) увязанными с позициями, доступными для всех в условиях справедливого равенства возможностей.

Если указанные принципы соответствуют или максимально приближаются к соответствию базовым институтам общества, то такое общество можно считать справедливым. А индивиды обязаны подчиняться правилам справедливого общества. Несмотря на то, что Дж. Ролс предлагает контракталистскую аргументацию в обоснование самих правил, обязанности подчиняться им не имеют контракталистской основы. В хорошо устроенном обществе есть соответствие между справедливыми правилами и чувством справедливости. У граждан есть возможность признать, что правила справедливы и признать, соответственно, свою обязанность следовать им. В общем, справедливость осуществима.

Сама возможность нормативной политической философии реализуется Дж. Ролсом посредством тематизации определенной идеальной позиции, которая для того, кто ее займет, будет одновременно и рациональным, и моральным выбором. Принципы, правила, институты, соотношенные с такой позицией, получают универсальное оправдание как рациональные и беспристрастные. Деонтологический либерализм Дж. Ролса наделяет справедливость приоритетом по отношению к благу. Общество, которое состоит из множества личностей, каждая из которых обладает своими собственными интересами, целями и представлениями о благе, способно организовать морально приемлемым образом, только если будет опираться на принципы, не предполагающие какой-либо конкретной и специфической идеи блага.

В своей теории справедливости как «беспристрастности» Дж. Ролс использовал две противоположные формы оправдания и поддержания социальной связи: контрактализм и то, что можно назвать философией рынка. Дж. Ролс утверждает, что в современных плюралистичных обществах социальная справедливость в своей основе представляет собой определенную *процедуру*, а именно *способ* распределения обязанностей и благ. Справедливость носит процедурный характер потому, что мы не располагаем универсальным критерием оценки справедливости государственного устройства, в частности критерием оценки справедливости социального государства. «Справедливое» невозможно постичь каким-то непосредственным образом, причем общепризнанным способом. Справедливость, соответственно, следует *сконструировать*, *создать* посредством практической процедуры.

Спустя двадцать с лишним лет теория справедливости была подвергнута ревизии Дж. Ролсом в сборнике «Политический либерализм» (1993). Ревизия связана с проблемой стабильного существования во времени справедливого общества. В работе 1971 г. нормативная политическая теория предстает как теория справедливости, которая не учитывает в полной мере фактор плюрализма в обществе с демократической традицией. В «Теории справедливости» философско-политические рассуждения Дж. Ролса самым тесным образом связаны с моральной философией. При этом морально-философские рассуждения призваны решать задачу нормативного оправдания социального устройства. В «Политическом либерализме» достаточно четко проводится различие между моральным оправданием и политическим оправданием. Политическое оправдание должно быть приемлемым при всех различиях «общих учений», которых придерживаются индивиды.

Основные произведения Дж. Ролса (см. [Rawls, 1971; Rawls, 1995]) в настоящее время воспринимаются как действительно начало современного этапа философско-политической мысли. Поначалу так было в англоязычном мире, а затем и в других западных странах. Речь идет фактически об оформлении новой парадигмы политической философии.

Достоинства и значение «норм справедливости» не подлежат никакому сомнению. Вместе с тем предпосылки, методология и теоретические выводы были подвергнуты интенсивному и многостороннему анализу и критике. Во многих отношениях этот анализ и критика и образуют содержание нынешней политической философии, причем не только англоязычной.

Идеи «теории социальной справедливости» лучше всего рассматривать как ответы на ряд общих вопросов. Теория справедливости необходима в силу того, что публично согласованные условия социальной кооперации и необходимы, и возможны. Индивиды взаимодействуют пока их можно заверить в том, что социальное сосуществование упорядочено и стабильно. Согласованные *принципы* нужны для регуляции интеракции и определения характера распределения выгод и бремени среди членов общества. Подобные принципы могут быть действенными, если индивиды будут считать их необходимыми, а их конкретные условия могут быть согласованы.

Теория справедливости – это теория публично согласованных последних принципов, которые определяют фундаментальные принципы социальной кооперации. Это теория принципов, регулирующих институты, «базисную структуру» общества. Это теория *социальной* справедливости, которая должна совпадать с нашими осознанными *моральными суждениями*. Институты справедливы тогда, когда не проводятся произвольные различия между индивидами при наделении базисными правами и обязанностями и когда правила устанавливают надлежащий баланс между соперничающими притязаниями на привилегии социальной жизни. Теория Дж. Ролса наделяет граждан равной свободой, а также предлагает такое распределение всех других благ, которое максимизирует ожидания наиболее обездоленных. Наконец, теория справедливости – это теория правильного и благого. Справедливое общество – это не общество, которое осуществляет благу жизнь всего своего сообщества. Это общество, которое позволяет своим членам осуществлять свое понимание благого в определенных условиях. Стремление к достижению благ ограничивается публично согласованными принципами справедливости.

Либертарианизм

Существуют две крайние позиции, представляющие собой вызов позиции Дж. Ролса. Одна из них – это ультралиберальная, или либертарианистская концепция Р. Нозика, в которой делается упор на индивидуальные свободы. Другая представляет собой радикальную интерпретацию равенства. Каждая из этих позиций, располагаясь соответственно справа и слева от позиции Дж. Ролса, концентрируется на одном из элементов, которые стремится сочетать концепция Дж. Ролса.

Несомненно, современный либертарианизм с его базисной идеей минимального государства, ориентацией на права индивидуального выбора связан с масштабной экономической, правовой и эпистемологической концепцией Фр. фон Хайека [Хайек, 2020; Хайек, 2021]. Вместе с тем в философско-политической дискуссии настоящего времени либертарианизм представлен главным образом концепцией Р. Нозика. Именно эта концепция стала компонентом парадигмы теорий социальной справедливости.

«Анархия, государство, утопия» Р. Нозика [Нозик, 2019] предлагает видение социальной справедливости, альтернативное соответствующему видению Дж. Ролса. Исходным моментом рассуждений Р. Нозика являются индивиды с их правами. Этими правами в духе Дж. Локка индивиды обладают изначально до учреждения государства и безотносительно к государству. Индивиды свободны, распоряжаются самими собой, и никто не имеет права использовать их в собственных целях против их воли.

Можно представить индивидов, живущих в природном состоянии. Выходом из этого состояния, если его считать злом, не обязательно должен быть общественный договор. Точнее, общественный договор нельзя считать единственным способом создания государственного законного порядка. Более простым и линейным будет объяснение, опирающееся не на договор, а на рынок.

Отказавшись от контрактуалистского подхода Дж. Ролса, Р. Нозик при рассмотрении собственности оспаривает и эгалитаристские и редистрибутивные выводы из этого подхода. Если я свободен, т.е. являюсь хозяином самого себя, то я являюсь и хозяином своих талантов и всего того, что в состоянии произвести или заработать с опорой на них. Поэтому государство, если оно «более, чем минимальное», навязывает мне налоги с целью финансировать сферу образования или здравоохранения, оплачивать пособия для безработных или неимущих, то это означает нарушение моих прав. Насколько легитимно «минимальное государство», настолько нелегитимно государство, которое берет на себя обязательства, выходящие за пределы обеспечения гарантий безопасности и осуществления правосудия.

Теория справедливости Р. Нозика предполагает, что каждый индивид законно владеет тем, что он приобрел или посредством справедливого изначально приобретения, или посредством свободной передачи своего блага кому-то другому. Исходя из неотчуждаемых прав индивидов, Р. Нозик формулирует концепцию «минимального государства», возможности которого осуществлять принудительную власть в отношении граждан предельно ограничиваются (за исключением некоторых случаев, связанных с необходимостью защиты граждан от насилия и т.п.).

Философско-политические воззрения Р. Нозика представляют собой отчетливо выраженный *индивидуалистский либерализм*.

Права отдельных индивидов должны иметь бесспорное преимущество по отношению к интересам общества в его совокупности. Р. Нозик жестко утверждает приоритет свободы индивидуального действия и подвергает осуждению всякое вмешательство государства с целью осуществить какое-либо перераспределение богатства или изменить финансирование социальных услуг (здравоохранения, образования, создания рабочих мест).

«Эгалитарный радикальный либерализм» [Нозик, 2019] не ограничивается провозглашением необходимости ограничений в распределении социальных благ посредством перераспределительной фискальной политики. Он не ограничивается также провозглашением необходимости принимать меры с тем, чтобы способствовать равенству возможностей и тем самым корректировать чрезмерное социальное неравенство. Эгалитарный радикализм подвергает суровой непримиримой критике неправомерную концентрацию экономической власти и господство свободного рынка. Средство достижения равенства в получении экономических благ видится в обобществлении средств производства, соответственно в обеспечении социальных и экономических прав граждан.

Философско-политическая концепция Майкла Уолцера

В противоположность Дж. Ролсу М. Уолцер считает, что не существует четко очерченного множества «базовых благ», которые можно распределять исходя из единых критериев распределения. Блага обладают «социальными значениями», которыми и следует руководствоваться, определяя правила распределения. Главный тезис М. Уолцера гласит, что всякая теория справедливости, предполагающая *одну* рациональную дистрибутивную парадигму, связанную с *одним* центром принятия решения, который берет на себя функции распределения *одной* совокупности фундаментальных благ в соответствии с *одним* критерием справедливости, является потенциально тоталитарной в отношении нередуцируемой множественности различных социально-исторических контекстов. Ведь существует столько дистрибутивных парадигм, столько центров принятия решения, столько в полной мере легитимных критериев справедливости, сколько существует коммунитарных реальностей в прошлом, настоящем и будущем. Эти коммунитарные реальности

служат источником различных подходов к представлениям о благах, от которых эти представления неотделимы ни в нормативном, ни в теоретическом плане. Распределение социальных благ должно осуществляться в отделенных друг от друга «сферах». Они должны быть автономными, поскольку их разделенность способна служить препятствием чрезмерному накоплению благ, выходящих за пределы различных отдельных сфер. Особой ценностью М. Уолцер наделяет блага членства, безопасности и благополучия.

Итак, в «Сферах справедливости» (1983) М. Уолцер разрабатывает плюралистическую и ориентированную на идеал сложного равенства теорию справедливого распределения. Исходя из представленного образа современных обществ, он предлагает в более поздних работах (см. например [Walzer, 1997; Walzer, 1995; Walzer, Miller, 1995]) теорию гражданского общества. Современные общества обладают множеством различных форм жизни, соответственно обладают большим числом возможностей для индивидов принадлежать различным группам и вступать в разнообразные отношения друг с другом. Идея гражданского общества, понимаемого как сложная структура партикулярных групп политического сообщества, утверждается М. Уолцером как нормативный идеал. Партикулярные сообщества в рамках «большого» общества способны формировать идентичность, индивидуальную и коллективную. Они являются также первичными образованиями, с которыми может соотноситься политическое действие. Вместе с тем децентрализованные организационные формы не в состоянии выполнять свои функции без охватывающей их государственной власти. В этом плане гражданское общество и демократия взаимосотнесены, они немыслимы друг без друга. Только в рамках организационных форм, образующих гражданское общество, возможна «политика различия», связанная с идеалом самоопределения.

Работы М. Уолцера, так или иначе связанные с полемикой между либерализмом и коммунитаризмом, заслуживают особого внимания в современной философско-политической литературе. Интересно при этом отметить, что его рассуждения зачастую трудно однозначно квалифицировать как принадлежащие одной из сторон спора, вследствие чего его оригинальные воззрения подвергались многообразной критике.

Коммунитаризм

Следует сразу же подчеркнуть, что весьма трудно квалифицировать различные коммунитаристские позиции и подходы как *единую теорию*. Правильнее будет выделить ряд основных коммунитаристских аргументов, критических по отношению к философско-политической нормативной теории неоллиберализма. Совокупность подобных аргументов в состоянии выполнять функцию нормативной философско-политической теории коммунитаризма.

Один критический аргумент направлен против понятия личности, которое лежит в основе либеральных теорий. Он направлен, в частности, против методологического индивидуализма. М. Сандел, будучи одним из зачинателей коммунитаристской критики либерализма, утверждал, что контрактуалистская теория базируется на «пустом» понятии личности. Субъект у Дж. Ролса – «развощенный» субъект [Sandel, 1998].

Еще один аргумент М. Сандела критикует деонтологический характер либеральных теорий, а также провозглашаемую ими «нейтральность» справедливости. Подчеркнем значение критического аргумента, адресованного либеральной теории прав, ее нормативной, соответственно мотивационной, неадекватности. Прежде всего, коммунитаризм указывает на необходимость рассматривать коммунитарные контексты существования индивида (семья, соседские отношения, различные добровольные ассоциации, политические объединения и т.п.) в качестве социально-практических условий формирования идентичности этого индивида. Эти условия, считают коммунитаристы, следует учитывать и при подходе к философско-политической проблематике. А либеральная перспектива, указывает коммунитаристская критика, фактически полностью абстрагируется от всяких форм индивидуально-партикуляристской укорененности в пользу контрактуалистских конструкций, которые являются на деле нереалистичными, игнорирующими реальные социальные условия жизни индивидов.

Один из базовых тезисов коммунитаризма гласит, что индивиды в такой мере встроены в сообщества, в которых живут, что их идентичность *конституируется* в лингвистическом и культурном плане этими сообществами. Ответ на вопрос «кто есть я» может быть получен посредством перечисления моих родственников и

аффективных связей, перечисления исполняемых мной социальных ролей, а также различных групп, к которым я добровольно или невольно принадлежу.

Мы постоянно осуществляем, отмечает Ч. Тэйлор, самоинтерпретацию, и такая самоинтерпретация влечет за собой установление коммунитарных отношений между субъектами самоинтерпретации, поскольку предполагает общий язык, посредством которого осуществляется самоинтерпретация [Taylor, 1989]. Этот тезис (и не только у Ч. Тэйлора) направлен против идеи Дж. Ролса о том, что «я» предшествует тем целям, которые достигаются посредством этого «я». Он также направлен против утверждения Дж. Ролса, что такая способность образует суть идентичности индивида. Если система целей индивида может быть отделена от его идентичности, то цели могут и не представлять собой нечто жизненно важное для индивида. Соответственно либерализм не в состоянии объяснить приверженность обязательствам, которые не представляют собой результат выбора или договора, например, обязательства перед семьей.

Обобщая, можно утверждать, что в соответствии с подходом либералов каждый индивид в состоянии сам выбирать свои цели, способен занять позицию по отношению к собственным предпочтениям. Это означает также, что возможно заранее определить критерии справедливости, причем независимо от того, что является благом для нас. Соответственно справедливость есть нечто нейтральное и обладает приоритетом над благом. Все это возможно, считают коммунитаристы, если систематическим образом отвлекаться от того, что индивид всегда принадлежит определенному сообществу. Однако только посредством такой принадлежности конституируется идентичность индивида, причем идентичность, стабильная во времени и позволяющая индивидам признавать друг друга, признавать наличие друг у друга особых потребностей, предпочтений и целей.

Другой базовый тезис коммунитаризма указывает на то, что индивиды способны развивать свои способности только внутри общества. Жизнь в обществе – это необходимое условие обретения индивидом рациональности, позволяющей ему быть моральным агентом, быть автономным и ответственным индивидом. При коммунитаристском подходе социально-политическая справедливость

заключается в утверждении и сохранении совокупного общего социального блага. Такое благо находит воплощение в той или иной форме совместной жизни, связанной с соответствующей морально-культурной традицией. Индивид воспринимает и признает других как принадлежащих к такой форме жизни и морально-культурной традиции.

Как считают коммунитаристы, абстрактную идеологическую конструкцию представляет собой и понятие беспристрастности, лежащее в основе *либерального универсализма*. В действительности это понятие воплощает совершенно определенное, соответственно партикуляристское, понимание блага (это, кстати, признает и поздний Дж. Ролс).

Политическая философия как нормативная политическая теория наиболее общего плана должна базироваться на основаниях, которые как таковые будут приемлемы для всех без исключения рациональных индивидов. Речь идет о том, что послышки философско-политической теории будут представлять собой универсально признаваемые, причем рационально очевидные истины. Понятно, что в таком случае мы имеем дело с исторической антропологией универсалистского характера, утверждающей, что при всех формах социально-исторической жизни перед нами человек, обладающий одной и той же природой. В этом случае философско-политическая теория вправе притязать на универсальную применимость и научную объективность.

Подобный подход не мог не вызвать критику. Так, Дж. Ролса обвиняли в том, что те индивиды, которые в соответствии с его первоначальной концепцией должны вступать в договорные отношения, это конкретные в социальном и культурном плане социальные агенты, а именно жители западного мира с либеральными установками и воззрениями, а не социальные агенты как таковые. С одной стороны, наличествует провозглашение ценности сообщества, утверждение о том, что члены политического сообщества приемлют общее представление о благе. Одним словом, у них общая идентичность и общие цели. Это воспринимается не только как философско-политическая и философско-этическая позиция, которую следует отстаивать философско-теоретическими средствами, но и как некая данность социально-политического существования. С другой стороны, либералами утверждается ценность автономии

индивида, достоинство которого связывается с его способностью и свободой формировать, пересматривать и реализовывать свои идеи о благой жизни в рамках «хорошо организованного общества», в котором правит справедливость, понимаемая как беспристрастность, прежде всего со стороны государства.

Либералы отмечают, что критика универсалистского подхода у коммунитаристов порождает подход, сосредоточивающий внимание философско-политической теории на конкретных обществах. В качестве полемического возражения либералы развертывают следующую аргументацию. Подобного рода конкретизация означает на деле признание всех обществ не подлежащими критике, поскольку никакое общество не может подвергаться критике извне, его следует оценивать только в соответствии с его собственными стандартами. И каким бы несправедливым и неблагополучным оно ни представлялось внешним наблюдателям, внешняя критика не является, как утверждается, надежно и правомерно фундированной. Практики того или иного конкретного общества предстают как оправданные. А в условиях отсутствия внутренней критики торжествует консерватизм. В общем, философско-политическая теория, если следовать коммунитаристской логике, должна ограничиваться экспликацией социальных и культурных смыслов, разделяемых членами того или иного конкретного общества, заявляют либералы.

Коммунитаристы указывают, что понятие справедливости у Дж. Ролса вовсе не является столь нейтральным или более нейтральным, чем другие, как он заявляет. Его позиция выражает идею личности, которая ценит автономию. Он придерживается такого идеала отношений между людьми, в котором на переднем плане находятся беспристрастность и неукоснительное уважение к правам индивида.

Коммунитаристы отвергают либеральные позиции, в соответствии с которыми государство обязано соблюдать нейтралитет в отношении различных воззрений индивидов на благоую жизнь. Кроме того, они требуют от политической философии отказаться от соотнесения с какими-либо идеалами совершенства. Коммунитаристы требуют от политической философии, чтобы она отказалась от концентрации на гражданских правах и сконцентрировалась на идее общего блага, понимаемого как *цель* существования

политического сообщества, которая определяет обязанности членов этого сообщества. В крайнем варианте такой установки следует отказ от дискурса относительно гражданских и политических индивидуальных прав. Такой дискурс должен быть заменен телеологическим дискурсом, ориентированным на благо сообщества или права тех или иных групп. В мягком варианте признаются гражданские и политические права граждан, однако отрицается, что единственным законным основанием посягновения на права какого-то гражданина является необходимость гарантировать права какого-то другого гражданина.

Заключение

Полемика между либералами и коммунитаристами давно вышла за рамки сугубо философской дискуссии и фактически превратилась в спор политико-идеологических позиций и ценностей. При таком подходе представления о благой жизни, создаваемые индивидами, по мнению коммунитаристов, сводятся к выражению произвольных предпочтений, в основе которых на деле лежат только собственные интересы. А ценностный нейтралитет, требуемый от государства, следует понимать как скептическое по своей природе признание того, что философское познание оказывается не способным постичь подлинное благо.

Коммунитаризм утверждает метаэтический релятивизм в том плане, что отвергается возможность обретения метода рассуждения, который позволил бы преодолеть разногласия и различия между индивидами и моральными сообществами. Не признается возможность какого-то надкультурного канона, способного решить подобную задачу. Философско-политическая критика в адрес либерализма реализуется в общем и целом в контексте сходных базовых установок и ценностей. Другими словами, полемика коммунитаризма с либерализмом не выходит за пределы базовой рациональности модерна.

Список литературы

- Кун Т. Структура научных революций. – Москва : АСТ, 2020. – 320 с.
Миль Дж. Ст. О гражданской свободе. – Москва : URSS, 2021. – 240 с.

- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – Москва : ИРИСЭН, 2019. – 424 с.
- Хайек Ф. фон. Дорога к рабству. – Москва : АСТ, 2021. – 352 с.
- Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. – Москва : ИРИСЭН, 2020. – 644 с.
- Berlin U. *Against the current. Essays in the history of ideas.* – New York : Penguin Books, 1982. – 394 p.
- Devlin P. *The Enforcement of Morals.* – London ; New York : Oxford University Press, 1969. – 170 p.
- Harsanyi J. *Rational behavior and bargaining.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 285 p.
- Hart H.L.A. *Law, Liberty and Morality.* – Stanford : Stanford Univ. Press, 1963. – 97 p.
- Rawls I. *A Theory of Justice.* – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1971. – 616 p.
- Rawls I. *Political liberalism.* – New York : Columbia University Press, 1995. – 516 p.
- Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 252 p.
- Taylor Ch. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity.* – Cambridge : Harvard University Press, 1989. – 613 p.
- Veca S. *La filosofia politica.* – Roma ; Bari : Laterza, 2005. – 135 p.
- Walzer M. *On toleration.* – New Haven : Yale University Press, 1997. – 154 p.
- Walzer M. *Spheres of justice.* – New York : Academic Press, 1983. – 320 p.
- Walzer M. *Toward a global civil society.* – Providence : Berghahn Books, 1995. – 362 p.
- Walzer M., Miller D. *Pluralism, Justice, and Equality.* – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 322 p.

References¹

- Kuhn, T. (2020). *The Structure of Scientific Revolutions.* Moscow: AST. (In Russ.)
- Mill, J.St. (2021). *On liberty.* Moscow: URSS. (In Russ.)
- Nozick, R. (2019). *Anarchy, State, and Utopia.* Moscow: IRISEN. (In Russ.)
- Hayek, F. von. (2021). *The Road to Serfdom.* Moscow: AST. (In Russ.)
- Hayek, F. von. (2020). *Law, Legislation and Liberty.* Moscow: IRISEN. (In Russ.)
- Berlin, U. (1982). *Against the current. Essays in the history of ideas.* New York: Penguin Books.
- Devlin, P. (1969). *The Enforcement of Morals.* London; New York: Oxford University Press.
- Harsanyi, J. (1977). *Rational behavior and bargaining.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hart, H.L.A. (1963). *Law, Liberty and Morality.* Stanford: Stanford Univ. Press.
- Rawls, I. (1971). *A Theory of Justice.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

- Rawls, I. (1995). *Political liberalism*. New York: Columbia University Press.
- Sandel, M. (1998). *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor, Ch. (1989). *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge: Harvard University Press.
- Veca, S. (2005). *La filosofia politica*. Roma; Bari : Laterza.
- Walzer, M. (1997). *On toleration*. New Haven: Yale University Press.
- Walzer, M. (1983). *Spheres of justice*. New York: Academic Press.
- Walzer, M. (1995). *Toward a global civil society*. Providence: Berghahn Books.
- Walzer, M., Miller, D. (1995). *Pluralism, Justice, and Equality*. Oxford: Oxford University Press.